

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 4, pp. 758–769, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811(161.1)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-758-769

Тюрки в ранних арабских источниках: модусный анализ сочинения Ахмеда Ибн Фадлана о путешествии на Волгу

Ахмед Мохаммед Нассер Аль-Рахби¹, Виктория Николаевна Зарытовская², Рената Сергеевна Фаизова³

¹ Российский университет дружбы народов (д. 10, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук
 0000-0003-4010-1634. E-mail: al_rakhbi_a@pfur.ru

² Российский университет дружбы народов (д. 10, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)
кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук
 0000-0001-9910-7913. E-mail: widaad@yandex.ru

³ Университет КАЗГЮУ (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М. Нарикбаева) (д. 8, Коргалжинское шоссе, 010000 Нур-Султан, Казахстан)
кандидат исторических наук, профессор Высшей гуманитарной школы
 0000-0002-1321-8530. E-mail: renata.faizova@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Аль-Рахби А. М., Зарытовская В. Н., Фаизова Р. С., 2021

Аннотация. *Введение.* Настоящая статья посвящена вопросу субъективности представления тюркских племен в тексте рукописи арабского посланника Ибн Фадлана, совершившего в начале X в. путешествие с миссией из Багдада в Волжскую Булгарию. Авторы ставили *целью*, прибегнув к новейшим лингвистическим теориям, проанализировать влияние личности самого составителя как носителя определенной культуры и конкретных религиозных убеждений, а также историко-бытовых условий написания им произведения на проецируемый в тексте модус, который задает смысл всего исторического документа. *Материалы и методы.* Для полноты изысканий авторы обращались к восстановленному арабскому оригиналу, сравнивая имеющиеся русские переводы между собой и с исходным материалом. Кроме того, учитывались работы современных арабских исследователей различных видов дискурса наследия Ибн Фадлана как части истории и мировоззрения арабов Средневековья. В статье обозначены преобладающие темы и мотивы при описании общественного уклада, традиций и ритуалов

встреченных Ибн Фадланом племен, прежде всего огузов, описаны модусы (осуждения, страха, удивления, восхищения и др.), в которых они реализованы, и выделены языковые средства их экспликации, нарушающие нейтральный стиль повествования. Результаты позволяют сделать *вывод* об обусловленности модуса произведения средневековым мышлением и характерной для араба-мусульманина картиной мира, а также официальным статусом произведения Ибн Фадлана при дворе в Аббасидском халифате периода его расцвета. Выдвигается версия о возможном вымышленном отрывке текста, морфология которого указывает на его сказочный характер. При этом авторы обращают внимание на попытки самого Ибн Фадлана найти точки соприкосновения обеих цивилизаций, прежде всего в поисках божественного, и установить взаимопонимание между народами, у которых в то время еще не было тесных связей — ни культурных, ни торговых.

Ключевые слова: история тюрок, огузы, арабские рукописи, Ибн Фадлан, модус текста

Для цитирования: Аль-Рахби А. М., Зарытовская В. Н., Фаизова Р. С. Тюрки в ранних арабских источниках: модусный анализ сочинения Ахмеда ибн Фадлана о путешествии на Волгу // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 758–769. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-758-769

Turks in Early Arabic Sources: A Modus Analysis of Ahmad Ibn Fadlan's Manuscript Describing His Journey to the Volga

Ahmed Mohammed Nasser Al-Rahbi¹, Viktoriya N. Zarytovskaya², Renata S. Faizova³

¹ Peoples' Friendship University of Russia (10, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer

 0000-0003-4010-1634. E-mail: al_rakhbi_a@pfur.ru.

² Peoples' Friendship University of Russia (10, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor

 0000-0001-9910-7913. E-mail: widaad@yandex.ru.

³ M. Narikbayev KAZGUU University (M. Narikbayev Kazakh Humanitarian Law University University) (8, Korgalzhin Highway, 010000 Nur-Sultan, Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Professor

 0000-0002-1321-8530. E-mail: renata.faizova@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Al-Rahbi A. M., Zarytovskaya V. N., Faizova R. S., 2021

Abstract. Introduction. The article examines the subjectivity in the representation of Turkic clans in ibn Fadlan's famous memoirs devoted to the Arab mission trip undertaken from Baghdad to the Volga Bulgaria in early 10th c. Informed by the latest linguistic theories, the authors *aim* to analyze how the *modus* of his text, i.e. the meaning of the entire historical document, is influenced by the memoirist's personality as a bearer of certain cultural characteristics and of specific religious beliefs, as well as by historical and everyday circumstances at the time the travelogue was written. *Data and methods.* Both the reconstructed Arabic original and available Russian translations and commentaries were used in a comparative mode. In addition, the authors considered the recent works of Arab scholars discussing the issue of discourse types of ibn Fadlan's heritage in the context of the medieval Arab history and thinking. The article focuses on the prevailing themes and motifs in the text of the Arab traveler, when describing the social structures, traditions, and rituals of the Turkic ethnic groups he encountered (chiefly Oгуzes), to identify the moduses (of condemnation, fear, surprise, admiration, etc.) through which these were realized, as well as the linguistic means of their expression that disturbed the neutral style of the story. The *results* of the analysis allow to *draw a conclusion* that the modus of the work was largely shaped by the medieval way of thinking and the world picture characteristic of the Arab-

Muslim traveler, as well as by the official status of ibn Fadlan's work at the court of the Abbasid Caliphate in its heyday. Also, the authors point out that there is a passage in the text that may be fictional, its morphology being largely of a fabulous character. Notably, attention should be drawn to ibn Fadlan's attempts to find some possible commonalities between the civilizations, especially in the heavenly realm, and to promote an understanding between the peoples, even if neither cultural nor trade interaction between them existed at the time.

Keywords: history of the Turks, Oghuz, Arabic manuscripts, ibn Fadlan, modus of the text

For citation: Al-Rahbi A. M., Zarytovskaya V. N., Faizova R. S. Turks in Early Arabic Sources: A Modus Analysis of Ahmad Ibn Fadlan's Manuscript Describing His Journey to the Volga. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 758–769. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-758-769

Введение

Дошедшие до нас списки рукописей арабских путешественников Средневековья имеют неоспоримую научную ценность как наиболее ранние хронологически источники, «сыгравшие выдающуюся роль в установлении этногенеза» [Ковалевский 1950: 265] и не только. В них представлена многогранная картина той части мира, жизнь которой на заре Средневековья описана крайне скудно, в первую очередь из-за того, что другие записи в ходе истории были утеряны [Крачковский 1939: 9].

Речь идет об известных трудах багдадцев периода Аббасидского халифата первой половины X в. — Ахмеда Ибн Фадлана с его отчетом о путешествии на Волгу, Ибн Хаукаля с его сочинением «Пути и страны» [The Oriental Geography 1964], Абу Исхака аль-Истахри с «Книгой климатов»¹, аль-Масуди, автора энциклопедического труда «Золотые копи и россыпи самоцветов», прозванного арабским Геродотом [Ал-Масуди 2002], а также уроженца Андалусии исламского миссионера Абу Хамида аль-Гарнати [Большаков 1971] и Ибн Баттуты, берберского путешественника и купца XIV в. с его «Подарком, созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий» [Выписка из арабского путешественника 1818] и др.

Эти путевые заметки и составленные по их итогам рукописи включают уникальные этнографические, географические и климатические сведения, способствовавшие прояснению ряда исторических вопросов.

¹ «Книга климатов» Абу-Исхака аль-Истахри аль-Фарси (около половины X-го века) [электронный ресурс] // URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_mus_pis/14.htm (дата обращения 15.08.2021).

Так, они содержат ценнейшие наблюдения о религиозных верованиях, общественных отношениях, правовых нормах, торговом обмене, монетах и многом другом, что касалось увиденных арабскими путешественниками народов (огузов, киргизов, карлуков, кимаков, печенегов, хазар, болгар, а также славян), в первую очередь тюрков Центральной Азии и Волги, а также славян и хазар, на раннюю историю которых обращены пристальные взгляды отечественных исследователей [Ибрагимов 1988; Миккульский 1998; Галкина 2010].

Обнаруженная в 20-х гг. прошлого столетия в иранском Мешхеде относительно полная (более двух сотен листов, конец безвозвратно утрачен), но, главное, подлинная рукопись секретаря посольства халифа аль-Муктадира (годы жизни: 895–932) Ахмеда Ибн Фадлана о путешествии его миссии (921–922 гг.) из Багдада к болгарскому царю, изъявившему желание принять ислам, заключала важный материал для специалистов — не только историков, но и филологов, приступивших к ее анализу и переводу. Фотокопия Мешхедской рукописи, которая хранится в библиотеке при гробнице имама Али ибн-Риза (Мешхед, Иран), в 1935 г. была передана правительством Ирана в дар Академии наук СССР [Ковалевский 1956: 6].

Основатель советской школы арабистики академик И. Ю. Крачковский и позднее профессор А. П. Ковалевский, если речь идет о русскоязычном сегменте изучения этого источника, подвергли текст лингвистическому анализу согласно актуальным в середине прошлого века языковым теориям. Однако еще тогда И. Ю. Крачковский в своем предисловии к переводу и комментари-

ям к «Путешествию Ибн Фадлана на Волгу» (1939 г.) писал, что проделанная им самим серьезная работа «только первый шаг в исследовании нового материала и не претендует на решение всех вопросов, связанных с Ибн Фадланом вообще» [Крачковский 1939: 5]. Академик подчеркивал, что «из вступительной статьи ясно, сколько таких вопросов подлежит дальнейшему изучению как историков, так и филологов» [Крачковский 1939: 5].

Вместе с тем со времени открытия рукописи лингвистические теории не стояли на месте, развиваясь с уклоном в антропо- и текстоцентричность, т. е. представляя текст как целое в качестве объекта исследования и пропуская его через социологию и психологию. В частности, обозначенный еще Ш. Балли лингвистический модус, который позволяет «осмыслить высказывание относительно условий и условностей общения» [Шмелева 1994: 27], увидеть мотивацию автора и глубже понять текст, сегодня анализируется весьма широким инструментарием, устанавливающим субъективную часть смысла и имплицитное качество высказывания и объясняющим их генез.

Отметим, что понятие модуса в лингвистике за последние годы стремительно разрослось, выйдя на уровень текста и охватив как композицию текста, его модальность, так и оценочную лексику, в том числе наречий, частиц, во всем их спектре и др., что совсем недавно выпадало из исследовательского фокуса. Сегодня «сам подбор фактов и их расположение можно назвать модусно-ориентированными, а иногда прямо — чистым модусом» [Копытов 2015: 73].

Провести модусный анализ текста Ибн Фадлана позволяют три обстоятельства: во-первых, автор является очевидцем описанного, а не перекладывает чужие записи, что, надо сказать, было распространено в арабской словесной традиции Средневековья². Так, сначала стали известны именно укороченные пересказы отрывков из Ибн Фадлана более поздних авторов XII и XV вв. (персов Наджиба Хамадани и Амина Рази соответственно) [Ковалевский 1956: 7], а также извлечения из рукописи, сделанные

² Нурлан З. Переписчики арабских книг [электронный ресурс] // URL: <http://alfarabinur.kz/arabskaya-literatura/perepischiki-arabskikh-knig.html> (дата обращения: 16.08.2021).

в XII в. Якутом (Йакутом ар-Руми) [Ковалевский 1956: 7], прозванным И. Ю. Крачковским «ученейшим компилятором», для «Географического словаря» [Крачковский 1939: 9].

Во-вторых, мы располагаем достаточно полным и законченным в композиционном и смысловом отношении сочинением, дающим возможность проводить сравнения различных частей текста, осуществлять выборку и делать выводы на основе цепочки примеров, а не одиночных словоупотреблений, а также корректно сравнивать отрывки по модусу. Как мы предполагаем, детальный анализ модуса текста Ибн Фадлана позволит пересмотреть закрепившуюся точку зрения о том, что путешественник описывает традиции и нравы встреченных народов в несколько негативном ключе, «во многом односторонне», «пренебрежительно относится к людям ничтожным» [Ковалевский 1956: 7–8].

В-третьих, что касается самого литературного арабского языка, на котором написана рукопись, то закрепленный и кодифицированный в Коране в VII в., то он не претерпел столь значительных изменений, как европейские языки, в том числе и русский, который, как известно, развился за это время из древнерусского в современный. Безусловно, с новыми явлениями в арабскую лексику проникали неологизмы, становившиеся со временем его неотъемлемой частью, а слова, обозначавшие отжившие явления и устаревшие предметы быта, например, уходили на второй план, а потом исчезали из оборота, но, тем не менее, арабский язык сохранил мощный остов своего словаря и грамматики [Derwish 2008]. Следовательно, расхождения между языком Ибн Фадлана и современным литературным арабским языком столь незначительны, что не могут повлиять на наши выводы.

Материалы и методы

Для проведения объективного исследования мы опирались как на работы советской школы арабистики ее наиболее плодотворного классического периода (И. Ю. Крачковский, А. П. Ковалевский) [Крачковский 1955–1960; Ковалевский 1934; Ковалевский 1965; Ковалевский 1973], так и на статьи современных арабских исследователей [Алнадаф 2018], в том числе не переведенные

на русский и английский языки [Al-Harathi 2014], в которых авторы оперируют такими актуальными на сегодня для лингвистики понятиями, как *дискурс*, *модус*, *концепт*, *картина мира*, *лингвокультурема* и др., и представляют свой взгляд как носители арабского языка и культуры на сочинение Ибн Фадлана.

В рамках работы мы попытались провести модусный анализ текста средневековой рукописи, определив его жанр, стилистические регистры, использованные средства экспрессии и др. Безусловно, мы не ограничились несколькими переводами рукописи на русский язык и использовали дополняющие и уточняющие друг друга переводы И. Ю. Крачковского [Крачковский 1939] и А. П. Ковалевского [Ковалевский 1956]. Мы провели сравнительный анализ адекватности переводов в интересующих нас отрывках, а также неоднократно обращались к скан-копии самой мешхедской рукописи и ее современной перепечатке восстановленного текста в дамасском издании 1959 г. [Ibn Fadlan 1959].

Генезис модуса текста Ибн Фадлана и его экспликация

Исторические условия создания текста и определение его жанра

Вначале выскажем несколько соображений о тех исторических и социальных условиях, в которых создавался текст, целях его написания и предполагаемом адресате — без этого невозможно приступить к полноценному анализу модуса текста и сделать выводы о качестве его содержания. Во-первых, нельзя не обратить внимание на «ангажированность» приближенного к власти автора, назначенного фактически послом халифа, который составлял свои записи для двора [Al-Harathi 2014: 27], поэтому, скорее всего, не мог нарушать неписанное правило, на которое указывает в своем исследовании «модуса неприятия» Ибн Фадлана оманская исследовательница Джоха аль-Харти, заключавшегося в выражении цивилизационного превосходства ислама, Багдада и арабской культуры в целом [Al-Harathi 2014: 28].

Косвенно нашу точку зрения подтверждает то, что сочинение Ибн Фадлана (на арабском: *Risaalat Ibn Fadlan*) получило сразу статус *рисаля*, т. е. послание, официальное обращение, в котором по традиции должны

быть соблюдены элементы протокола³, в нашем случае — багдадского двора, «система управления которого предполагала высокую степень централизации всего управленческого аппарата» [Варьяш 2020: 14].

На официальный статус документа указывает и жанровая характеристика в виде отчета. Автор исправно вносит даты: какого месяца и какого числа по мусульманскому календарю он прибыл с миссией в тот или иной город или выдвинулся караваном из него. Интересно, что Дж. аль-Харти выдвигает предположение, что положительные отрывки, касающиеся тюрков, если такие имели место, могли быть намеренно изъяты либо самим автором, либо какими-то официальными лицами, иначе текст не прошел бы цензуру [Al-Harathi 2014: 31].

О практике цензуры в халифате писал и отечественный историк-арабист И. М. Фильштинский, упоминая, что в обязанности почтового ведомства «входило также такое деликатное дело, как просмотр корреспонденции и информирование правительственных инстанций о ее содержании» [Фильштинский 2006: 34].

Также не исключено, что само путешествие оставило у автора негативные впечатления, повлиявшие на модус изложения. Ведь посольство потерпело полную неудачу: на хазарских территориях в то время мусульмане подвергались репрессиям [Ковалевский 1956: 33]; не получивший средств на строительство крепости правитель болгар, к которому была направлена миссия с целью сделать его подданным аль-Муктадира, предпочел не рисковать связями со Средней Азией [Ковалевский 1956: 28–29]; огузы, занимавшие тогда область западного Казахстана, ислам также не приняли [Ковалевский 1956: 26]. Среди знати огузов, как свидетельствует Ибн Фадлан, наибольшее влияние имел Этрек, начальник войска. Ибн Фадлан преподнес ему щедрые подарки. Этрек радушно принял посольство, но к предложению принять ислам отнесся крайне осторожно, сказав, что даст халифу

³ Hamid Al-Ahmed. Ar-rasaail al-adabiyya: jins adabiy laa yafnii (= Литературный жанр письма: неисчезнувший вид литературы) [электронный ресурс] // URL: <https://www.nashiri.net/index.php/articles/literature-and-art/6026-2016-12-08-07-43-05> (дата обращения: 16.08.2021).

ответ, когда послы будут ехать обратно [Ковалевский 1956: 36].

Сам путь был полон очевидных трудностей: «Итак, мы остановились на этой остановке два дня, потом мы устремились в страну турок, не сворачивая ни перед чем, и никто нам не встретился в пустынной степи без единой горы. Итак, мы ехали по ней десять дней, и нам встретились бедствия, трудности, сильный холод и последовательное выпадение снегов, при котором холод Хорезма был подобен дням лета. И мы позабыли все, что проходило мимо нас, и были близки к гибели наших душ» [Ковалевский 1956: 125]. Можно предположить, что модус повествования в таких экстремальных для рассказчика условиях может поменяться в сторону негативного отношения к описываемым вещам, фактам и событиям вследствие пережитых потрясений.

Средневековое мышление и ислам как факторы, повлиявшие на формирование модуса текста

Ключевое значение для понимания модуса текста имеет и тот исторический факт, что до II в. по хиджре⁴ у арабов не было тесных отношений с тюрками, даже в сфере торговли [Кункова 2011: 57]. Привычный для арабов мир ограничивался Индией, Китаем и Римской Империей. Излишне напоминать, что непознанное в Средневековье порождало множество легенд и предположений, обрастающих массой шокирующих подробностей (достаточно вспомнить читаемую на Руси «Александрию»). В то время «пограничье обитаемого мира традиционно рассматривалось как территория неблагоприятная» [Водолазкин 2020: 296].

Люди Средневековья «предостерегали друг друга, чувствуя угрозу идентичности, обращали внимание на то, что неосторожные и неразумные одеваются по чужой моде, говорят на чужом языке, оскверняют себя чужой едой и питьем, забываются на чужих праздниках» [Варьяш 2020: 86].

Для Средневековья вообще была характерна религиозная экзальтированность. А что касается багдадца Ибн Фадлана, то «важнейшее место в его картине мира занимала религия, повлиявшая на формирование общей оценки другого общества с точки зрения арабо-мусульманского видения»

[Алнаддаф 2018: 116]. Именно это видение продиктовало Ибн Фадлану при составлении рукописи смещение фокуса на вещи и понятия, которые особо важны в исламе, — вера в единобожие, церемонии поклонения, бракосочетания, похоронные обряды и др. [Ковалевский 1956: 126].

Так, Ибн Фадлан в одном из эпизодов своего сочинения не может не обратить внимания на то, что болгары положительно относятся к лаю собак, радуются ему как доброму знаку, поскольку у арабов-мусульман еще со времен Пророка лай собаки — предвестник нехорошего, их не принято держать в качестве питомцев [Пузанов 2018: 63]. От нейтральной лексики к оценочной автор отходит и при упоминании о том, что турки не носят бороды, что являлось для мусульманина-араба нормой, и сравнивает безбородого то с козлом, то с евнухом [Ковалевский 1956: 128–129].

Если не обращать внимания на оценочные сравнения, то в тексте Ибн Фадлана слышится сочувствие, например, когда он, используя неоправданно длинный ряд глаголов движения, говорит о кочевниках, которые живут в палатках, останавливаются то в одном месте, то в другом, что поселения их разбросаны повсюду по степям, что они перемещаются, когда и куда придется, и находятся в бедственном положении. Воздействие на читателя в этом отрывке усиливает не только семантика движения-скитания, но и фонетический ассонанс согласных, а также рифма, например: *نولحتريو نولحي* *yahulluuna wa yartahiluuna* ‘останавливаются и пускаются в путь’ [Ibn Fadlan 1960: 91].

Прослеживается у Ибн Фадлана и попытка найти точки соприкосновения с тюрками в понимании божественного. Для этого он при передаче слов героев повествования использует типичные религиозные формулы на арабском (например, *ля илляхи илля алла ва мухаммеду расул аллахи*) либо переводит с языка тюрков нечто близкое к этому, либо обстоятельно поясняет от себя, что это по большому счету одно и то же и по-арабски, и на языке тюрков: «Я слышал, как они говорили „Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед пророк Аллаха!“, или а если кого-нибудь из них постигает несправедливость, то поднимает голову к небу и говорит „Бир тенгри“, а это по-тюркски „клянусь богом единым“, так как „бир“ по-тюркски один, а „тенгри“

⁴ По григорианскому стилю VIII в. н. э.

на языке тюрков — „бог“» [Ковалевский 1956: 125–126].

Вопрос о подлинности и достоверности рукописи Ибн Фадлана

Неоднократно выражалось в научных кругах сомнение в достоверности рукописи Ибн Фадлана [Вестберг 1908; Спицын 1899; Markwart 1924]. Наиболее авторитетными отечественными специалистами оно однозначно опровергалось с утверждением документального, а не фантазийного характера текста [Ковалевский 1956; Тизенгаузен 1900; Якубовский 1948].

В первую очередь их мнение основывалось на содержащихся в сочинении точных географических данных, которыми можно было оперировать только в случае установления их эмпирическим путем. Обратимся к лингвистическому анализу отрывка: «Он сказал: и мы уехали из страны этих [людей] и переправились через реку Джарамсан, потом через реку Уран, потом через реку Урам, потом через реку Байнах, потом через реку Ватыг, потом через реку Нийасна, потом через реку Джавшыз» [Крачковский 1939: 67]. Подобное строгое перечисление точных сведений, не уведящее читателя в сторону от фактов и не маскирующее их эмоциональным описанием чего-либо, по нашему убеждению, автор может включать в текст, только если он более чем уверен в них либо проверял сам.

Тем не менее элемент художественного вымысла в тексте, несомненно, присутствует, поскольку в нем часто заинтересован рассказчик. Прибегая к этому, автор вносит элемент интриги и усложняя сюжет, автор делает текст более привлекательным для читателя. Сам жанр средневековой арабской литературы *рихля* (описание путешествия в поисках знания или в целях миссионерской деятельности)⁵, к которому тяготеет текст Ибн Фадлана, нельзя назвать сугубо документальным, лишенным индивидуального начала. Так, в одном из эпизодов Ибн Фадлан сообщает то, о чем сам он мог только догадываться или предполагать, в крайнем случае, получить из третьих рук, но из текста видно, что он не мог быть свидетелем событий, которые описаны в тексте. Он не понимал язык тюрков: до этого в дороге ему

переводит тюркок-слуга Такин, и он сам неоднократно просит его переводить то, что хочет сказать. Согласно Ибн Фадлану, военачальники огузов, собранные Этреком на совещание, обсуждали вопрос не о принятии ислама, а о том, как поступить с самими послами. Предложения были следующие: убить, дочиста ограбить или отдать хазарам в обмен на пленных соплеменников [Ковалевский 1956: 129].

Отметим, что именно подобные сцены, в достоверности которых мы имеем право сомневаться, создают в полотне текста Ибн Фадлана негативный модус угрозы и страха перед другим, который мы не можем со всей уверенностью признать как отражающий реальность.

Традиции и нравы тюрков в фокусе арабского путешественника

Если не анализировать сравнение церемоний погребения, бракосочетания и т. д., имеющие строгие каноны в исламе, с традициями тюрков, которые вызвали у багдадских посланников невольное осуждение именно из-за несоответствия их принятому у арабов, что выразилось в неоднократных восклицаниях *هللا رفغتسا astaghfiru allah* ‘Помилуй, боже!’, можно отметить, что Ибн Фадлан, вслед за другими арабскими авторами, описывает определенные черты устройства общественной жизни и моральные принципы тюрков, которые находит достойными упоминания и уважения.

Один из арабских исследователей пишет: «Ат-Таухиди (ум. в 932 г.) в своей книге «Интерес и дружелюбие» сделал схожие с аль-Джахизом логические заключения... Он выделил ряд культурных особенностей для каждой нации, в том числе для европейских народов: у персов политика, литература, постановления и налоги. У Рима знания и мудрость. У Индии мысль, видение, проворность и магия. У тюрков мужество, смелость и отвага» [Алнадаф 2018: 103]. Неслучайно, что качества тюрков описаны практически синонимическим рядом. Подбор близких по значению единиц, одного семантического поля, говорит ни о чем ином, как о впечатлении от силы этого морального качества тюрков, которое мало называть одним словом⁶.

⁵ Сочинение Ибн Фадлана тяготеет к этому жанру, однако, строго говоря, нельзя утверждать его принадлежность к жанру *рихля*.

⁶ Muraadifaat wa addad jara fii qaaamuus almaanu (= Синонимы и антонимы к слову смелость) // Mufradaat Allughat (= Арабский тезау-

Возьмем для иллюстрации описание похоронной традиции огузов, по модусу совершенно отличное от приобретенного известность благодаря картине Генриха Семирадского «Похороны знатного руса» (1883) отрывка описания похорон славян. Несмотря на несхожесть ритуала огузов канонам ислама (например, тело не погребалось в земле), синтаксис, выбранный Ибн Фадланом в этом отрывке — стройный, сжатый и стремительный с отсутствием эмоционально-окрашенной лексики, сменой коротких предложений с предикативами — соответствует картине похорон настоящего воина: «...возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку деревянный кубок с набизом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилом и накладывают и над ним нечто вроде купола из глины. [Потом] возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов, или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, право же, они растягивают [все] это на деревянных сооружениях и говорят: „Это его лошади, на которых он поедет в рай“. Если же он когда-либо убил человека и был храбр, то [они] вырубят изображения из дерева по числу тех, кого он убил, поместят их на его могиле и скажут: „Вот его отроки, которые будут служить ему в раю“» [Крачковский 1939: 63].

Ибн Фадлан отмечает военную доблесть огузов. Неслучайно, что «в летописном сказании „Огузнаме“ повествуется о походах огузского кагана на запад, а в тюркских легендах и летописях часто встречаются сведения о походах огузов в Среднюю Азию, Восточный Туркестан и китайские земли» [Политическое положение].

Мы обнаруживаем три проходящие красной нитью сквозь повествование Ибн Фадлана мотива в описании тюрок:

1) сила родственных связей. Так, из-за несогласия членов клана главы племен не принимают ислам: «Первый из их царей и главарей, кого мы встретили, был Йынал Маленький. Он прежде принял [было] ислам. Но ему было сказано: «Если ты принял рус) [электронный ресурс] // URL: <https://www.almaany.com/ar/thes/ar-ar/جاء/> (дата обращения: 16.08.2021).

ислам, ты уже не главенствуешь над нами». Тогда он отказался от своего ислама» [Ковалевский 1956: 127];

2) развитые общинные отношения. Как известно, огузское государство опиралось на военную демократию: народное собрание у огузов созывалось раз в год, а с расцветом общества верховная власть управления страной стала принадлежать великому и малому курултаю [Курьялев 1964]. Ибн Фадлан засвидетельствовал еще в 20-х гг. X в. демократичное общественное устройство огузов: «И управляет ими совет между ними. Но только пока они потратятся на что-либо, приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и уничтожает то, на чем они уже сошлись» [Крачковский 1939: 60]. В этом отрывке находим нарушение нейтрального порядка слов, когда автор, придворный всевластного и единолично правившего халифа, «излишне» дважды описывает в превосходной степени самого жалкого и самого ничтожного (но влияющего на решение), выражая к нему свое явное негативное отношение, а также описывает его действие (по отмене решения) деструктивным глаголом — отменить, уничтожить. В арабской рукописи выделенные слова русского перевода — прилагательные с коннотацией пренебрежения لذرأ arzal [Баранов 2006: 294] и سَخَّ akhass [Баранов 2006: 220] и глагол ضَرَقَن naqada [Баранов 2006: 825] [Ibn Fadlan 1959: 91];

3) строгое соблюдение денежно-правовых норм на основе принципов высокой морали.

Тюрки, как упоминает Ибн Фадлан, преследуя своих должников, не брали с них лишнего: «Потом он идет к самому выдающемуся из купцов, которого он видит среди них, развязывает его имущество... и берет из его дирхемов соответственно его имуществу (бывшему в пользовании) у этого (умершего) купца без лишнего зернышка» [Крачковский 1939: 62]. Здесь ‘без лишнего зернышка’ — дословный перевод образного фразеологизма **وا لا هبب** wa la habbat, подчеркивающего совесть берущего.

Специалисты-тюркологи также замечают, что «Ибн-Фадлан в отношении башкир применяет термин „халк“, т. е. „народ“, но никак не „кабила“ (племя, род), которым он охарактеризовал огузов и эсегиль. Это — показатель более высокого уровня сплоченно-

сти и самосознания башкир» [Аминев 2011: 207]. То, что Ибн Фадлан называет остальных тюрков именно племенами — قبايل qabiilat, по нашему убеждению, не означает, что арабский путешественник использует этот термин, чтобы показать «незрелость», неорганизованность или отсутствие сплоченности в их рядах. Если более глубоко взглянуть на концепт слова qabiilat и его употребление как в Средневековье, так и сегодня, мы не увидим в нем подобного содержания, говорящего, что у племени нет самосознания себя как целого, как народа. Qabiilat в арабской картине мира подразумевает исключительно родственную общность и скорее соответствует европейскому понятию *фамилия* в широком ее понимании или славянскому понятию *род* со всей возможной положительной коннотацией этих слов. И сегодня в паспортах граждан ряда арабских государств графа фамилия значится как qabiilat.

Вероятные искажения модуса текста Ибн Фадлана при переводе на русский

Нельзя не коснуться и того, что перевод отдельных лексических единиц заставляет пересмотреть иногда позицию автора по отношению к объекту описания и то, какие именно коннотации и эмоции он хотел до нас донести. Например, в арабском исходном тексте встречается эпитет тюрков زفيرين zafirin по отношению к группе лиц (или к лицу) [Ibn Fadlan 1959: 130], который немецкий и российский арабист первой половины XIX в., профессор Казанского университета Х. Френ, как указывает И. Ю. Крачковский, пропустил при переводе, хотя последний также его не перевел, но до этого использовал перевод этой же единицы как «сильно пахнущий» исключительно в отношении еды и оставил в конце своего издания комментарий о неясности слова, описывающего людей, эту еду употреблявших [Крачковский 1939: 115–116].

А. П. Ковалевский же в обоих случаях поставил в русском переводе слово «вонючий», которое снижает стилистику текста и переводит модус в негативный: «У них совершенно нет ни оливкового масла, ни масла сезама, ни животного жира, и, право же, они употребляют вместо этих жиров рыбий жир. И все, что они с ним употребляют, бывает **вонюче** от жира, и они сами из-за этого бывают **вонючи** из-за жира» [Ковалевский 1956: 136].

Наши изыскания в арабском тезаурусе, которым не располагали специалисты первой половины прошлого века, приводят к тому, что данное слово, по форме действительно обладающее категориями множественного числа, мужского рода и одушевленности, не имеет столь негативное оценочное составляющее, так как в том числе, далеко не в первом своем словоупотреблении, стоит в ряду синонимов, объединенных общим понятием *смелости* [Mufradaat Allughat].

Заключение

Рукопись X в. арабского путешественника Ибн Фадлана как исторический источник имеет огромную научную ценность. При этом текст ее содержит не только объективные данные (даты, имена племенных вождей, расселение народов, состав металла монет, перечень встреченных путешественником представителей других народов и пр.), но к тому же, тяготея к художественным формам, отражает мышление и настроения автора, обусловленные временем, местом и обстоятельствами ее написания, а также картиной мира автора как носителя арабо-мусульманской культуры.

Повествование ведется от первого лица, в нем присутствует авторское начало, автор выражает свое отношение к тому, что фиксирует, — как открыто, так и имплицитно — такими средствами, как выбор объекта описания, последовательность изложения, нарушение нейтрального порядка слов, использование эмоционально окрашенной лексики, повторы, снижение стиля и др. Все это создает определенный модус, влияющий на те выводы, которые делают из текста историки, этнографы, теологи, культурологи и другие специалисты, приступающие к ее изучению.

Мы попытались объяснить направление модуса текста Ибн Фадлана официальным статусом письма, нормами шариата, арабской картиной мира, средневековой религиозной экзальтированностью, отсутствием тесных отношений с тюрками в тот исторический период и др., а также рассмотреть конкретные языковые средства его реализации: узкий выбор тем для описания (похоронные обряды, практика демократии, единобожие и др.), многочисленные нарушения нейтральности речи, когда автор осуждает то, что вступает в противоречие с нормами

ислама, либо восхищается какими-то качествами встречаемых племен, прибегая к изменению порядка слов, синонимическому ряду эпитетов и др.

Проведенный анализ показывает, что текст рукописи написан в определенных идеологических рамках, за которые автор не мог объективно выйти. Вместе с тем мы пытались сосредоточиться на тех моментах, которые сближают арабскую и тюркскую культуры и вызывают у обоих народов взаимное уважение. В ходе анализа мы также

показали, насколько выбор переводческих средств при передаче отдельных арабских слов и фразеологизмов, в своих отрывках являющихся ключевыми для понимания смысла, смещая модус исторического документа.

Все это, по нашему убеждению, позволяет проанализировать рукопись Ибн Фадлана в нескольких измерениях — от исторического до лингвокультурологического — и уточнить не только передаваемый набор смыслов, но и объяснить их генезис.

Источники

Ibn Fadlan 1959 — *Ibn Fadlan*. Risaalyat Ibn Fadlan [Сочинение Ибн Фадлана]. Damascus: Almajmuatal Aalyamiya Al-arabiya, 1959. 230 p. (In Arab.)

Литература

- Алнаддаф 2018 — *Алнаддаф Сафуан Нассиф*. Образ Европы в представлении арабов в Средние века: факторы формирования образа // История повседневности. 2018. № 2 (7). С. 98–108.
- Ал-Масуди 2002 — *Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусайн ибн Али ал-Масуди*. Золотые копи и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749–947 гг.]. М.: Наталис, 2002. 800 с.
- Аминев 2011 — *Аминев З. Г.* Восточные авторы о башкирском обществе // Актуальные проблемы истории и этнологии: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию образования кафедры истории РБ и этнологии (г. Уфа, 15 ноября 2011 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 207–214.
- Баранов 2006 — *Баранов Х. К.* Большой арабско-русский словарь. М.: Живой язык, 2006. 926 с.
- Большаков 1971 — *Большаков О. Г.* Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М.: ГРВЛ, Наука, 1971. 134 с.
- Варьяш 2020 — *Варьяш И. И.* Мусульманская Европа. Сигналы идентичности. СПб.: Наука, 2020. 255 с.
- Вестберг 1908 — *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе [электронный ресурс] // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XIII. Январь-февраль. Отдел наук. СПб.: Сенатская тип., 1908. С. 364–412. (Библиотека Руниверс). URL: <https://runivers.ru/bookreader/book461079/#page/1012/mode/1up> (дата обращения: 10.08.2021).

Sources

- Ibn Fadlan. Eyewitness Accounts by Ibn Fadlan. Damascus: Almajmuatal Aalyamiya Al-arabiya, 1959. 230 p. (In Arab.)
- Водолазкин 2020 — *Водолазкин Е. Г.* Дом и остров, или Инструмент языка. М.: АСТ, 2020. 384 с.
- Выписка из арабского путешественника 1818 — Выписка из арабского путешественника // Вестник Европы. 1818. Ч. 101. № 20. С. 287–298.
- Галкина 2010 — *Галкина Е. С.* Этноссы Восточной Европы в циклах «о тюрках» арабской географической литературы [электронный ресурс] // Rossica antiqua. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnosy-vostochnoy-evropy-v-tsikle-o-tyurkah-arabskoj-geograficheskoy-literatury/viewer> (дата обращения 15.08.2021).
- Ибрагимов 1988 — *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: ГРВЛ, Наука, 1988. 128 с.
- Ковалевский 1934 — *Ковалевский А. П.* Описание восточных рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета // Библиография Востока. 1934. Вып. 7. С. 93–115.
- Ковалевский 1950 — *Ковалевский А. П.* О степени достоверности Ибн-Фадлана // Исторические записки. Т. 35. М.: Изд-во Института истории АН СССР, 1950. С. 265–293.
- Ковалевский 1956 — *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во АН СССР, 1956. 344 с.
- Ковалевский 1965 — *Ковалевский А. П.* Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1965. 63 с.
- Ковалевский 1973 — *Ковалевский А. П.* Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным Аль-Масуди // Вопросы историо-

- графии и источниковедения славяно-германских отношений. М.: Наука, 1973. С. 62–79.
- Копытов 2015 — *Копытов О.* Концепция модуля на пространстве текста и ее возможности для исследования медиатекста // *Медиалингвистика*. 2015. № 4 (10). С. 69–82.
- Крачковский 1939 — *Крачковский И. Ю.* Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 228 с.
- Крачковский 1955–1960 — *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Т. 1–6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955–1960.
- Кункова 2011 — *Кункова В. И.* Торговые отношения арабов до династии Аббасидов // *Общество. Среда. Развитие (Тегга Нумана)*. 2011. № 1. С. 57–60.
- Курьлев 1964 — *Курьлев В. П.* Общественный строй огузов по данным эпоса «Деде Коркут». М.: Наука, 1964. 8 с.
- Миккульский 1998 — *Миккульский Д. В.* Арабский Геродот. М.: Алетейа, 1998. 229 с.
- Политическое положение — Политическое положение. Государства раннего средневековья Казахстана [электронный ресурс] // *История — наставница жизни*. URL: <http://www.timeshistory.ru/historys-639-1.html> (дата обращения: 11.08.2021).
- Пузанов 2018 — *Пузанов Д. В.* Сообщение Ибн Фадлана о гадании населения Поволжья по собачьему вою и поздние приметы тюркских и славянских народов // *Историко-культурное наследие народов Урало-Приволжья*. 2018. № 4. С. 63–67.
- Спицын 1899 — *Спицын А. А.* О степени достоверности записки Ибн-Фадлана. СПб.: [б. и.], 1899. 16 с.
- Тизенгаузен 1900 — *Тизенгаузен В.* В защиту Ибн-Фадлана // *Записки Восточного отделения Русского археологического общества*. Т. XIII. СПб.: Тип. Имп. АН, 1900. С. 24–32.
- Фильштинский 2006 — *Фильштинский И. М.* История арабов и халифата (750–1517 гг.). М.: АСТ; Восток-Запад, 2006. 349 с.
- Шмелева 1994 — *Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск: Изд-во КГУ, 1994. 47 с.
- Якубовский 1948 — *Якубовский А. Ю.* К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках // *Советская археология*. 1948. Т. X. С. 250–270.
- Al-Harhi 2014 — *Jokha Al-Harhi*. Ibn Fadlan fii balyadil ajaib: Al-uhra fii rihlya Ibn Fadlan (= Ибн Фадлан в краях чудес: другой в записках Ибн Фадлана) // *Majjalat Haliil*. 2014. № 2. Pp. 27–34 (In Arab.)
- Derwish 2008 — *Derwish Ahmed*. Madkhal ilaal adab alarabiyyil hadith (= Введение в современную арабскую литературу). Cairo: Dar al-uluum, 2008. 215 p.
- Markwart 1924 — *Markwart J.* Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert // *Ungarische Jahrbücher*. B. IV. Heft 3/4, 1924. Pp. 261–334 (In Germ.)
- Mufradaat Allughat — Taerif wa maena zifr fi mejm almaeani aljamie (= Определение и значение корня zifr и его переводы) [электронный ресурс] Mufradaat Al-lughat [Арабский тезаурус] // URL: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/رفز/> (дата обращения: 10.08.2021) (In Arab.)
- The Oriental Geography 1964 — *The Oriental Geography of Ebn Haukal an Arabian traveler of the tenth century / transl. by Sir W. Ously*. London, 1800. 327 p.

References

- Al-Masudi. The Meadows of Gold and Mines of Gems [History of the Abbasid Dynasty, 749–947]. Moscow: Natalis, 2002. 800 p. (In Russ.)
- Alnaddaf S. N. The image of Europe in the representation of the Arabs in the Middle Ages: Factors of forming the image. *History of Everyday Life*. 2018. No. 2 (7). Pp. 98–108. (In Russ.)
- Aminev Z. G. Oriental authors about Bashkir society. In: *Topical Issues of History and Ethnology. Jubilee conference proceedings (Ufa; November 15, 2011)*. Ufa: Bashkir State University, 2011. Pp. 207–214. (In Russ.)
- Baranov Kh. K. Unabridged Arabic-Russian Dictionary. Moscow: Zhivoy Yazyk, 2006. 926 p. (In Russ.)
- Bolshakov O. G. Travel of Abu Hamid al-Gharnati to Eastern and Central Europe, 1131–1153. Moscow: Nauka — GRVL, 1971. 134 p. (In Russ.)
- Definition and meaning of the root *zifr*, and its translations. In: *Mufradaat Allughat (Contemporary Dictionary of Arabic)*. Available at: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/رفز/> (In Arab.)
- Derwish A. An Introduction to Modern Arabic Literature. Cairo, 2008. 215 p. (In Arab.)
- Excerpt from one Arabian traveler's notes. *Vestnik Evropy*. 1818. Vol. 101. No. 20. Pp. 287–298. (In Russ.)
- Filshinsky I. M. History of Arabs and the Caliphate, 750–1517. M.: AST; Vostok-Zapad, 2006. 349 p. (In Russ.)

- Galkina E. S. Ethnic groups of Eastern Europe in the cycle 'On the Turks' from Arab geographical literature. *Rossica Antiqua*. 2010. No. 1. Pp. 54–98. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnosy-vostochnoy-evropy-v-tsikle-o-tyurkah-arabskoy-geograficheskoy-literatury/viewer> (accessed: August 15, 2021). (In Russ.)
- Jokha Al-Harhi. Ibn Fadlan in the wonderland: The other in Ibn Fadlan's writings. *Majjyalat Haliil*. 2014. No. 2. Pp. 27–34 (In Arab.)
- Ibragimov N. Ibn Battuta and His Travels in Central Asia. Moscow: Nauka — GRVL, 1988. 128 p. (In Russ.)
- Kopytov O. The concept of modus in a text and its potential to explore mediatext. *Media Linguistics*. 2015. No. 4 (10). Pp. 69–82. (In Russ.)
- Kovalevsky A. P. Central Scientific Library of Kharkov State University: A description of Eastern manuscripts. In: *Bibliography of the East*. Vol. 7. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1934. Pp. 93–115. (In Russ.)
- Kovalevsky A. P. Ibn-Fadlan's accounts: Degree of reliance revisited. *Istoricheskie zapiski*. 1950. Vol. 35. Pp. 265–293. (In Russ.)
- Kovalevsky A. P. Ahmad Ibn-Fadlan's Manuscript about His Journey to the Volga in 921–922 AD. Kharkov: USSR Academy of Sciences, 1956. 344 p. (In Russ.)
- Kovalevsky A. P. Chuvashes and Bulgars in Ahmad Ibn-Fadlan's Accounts. *Cheboksary: Chuvash State Publ.*, 1965. 63 p. (In Russ.)
- Kovalevsky A. P. Slavs and their neighbors in the early to mid 10th century AD as described by Al-Masudi. In: Korolyuk V. D. (ed.) *Slavic-German Relations: Questions of Historiography and Source Studies*. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 62–79. (In Russ.)
- Krachkovsky I. Yu. Ibn-Fadlan's Journey to the Volga. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1939. 228 p. (In Russ.)
- Krachkovsky I. Yu. Selected Works. Vols. 1–6. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1955–1960. (In Russ.)
- Kunkova V. I. Trade relations of Arabs prior to the Abbasid conquest. *Terra Humana*. 2011. No. 1. Pp. 57–60. (In Russ.)
- Kurylev V. P. Book of Dede Korkut: Insights into Social Structure of Oghuz Turks. Moscow: Nauka, 1964. 8 p. (In Russ.)
- Markwart J. Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert (A tenth-century Arabian account of arctic (Uralic) lands). *Ungarische Jahrbücher*. 1924. Vol. IV. Part 3/4. Pp. 261–334 (In Germ.)
- Mikulski D. V. Arabian Herodotus. Moscow: Altheia, 1998. 229 p. (In Russ.)
- Mufradaat Allughat — Taerif wa maenaa zifri fi mejm almaeani aljamie (= Opređenje i značenje kornya zifri i ego perevody) [elektronnyy resurs] Mufradaat Allughat [Arabskiy tezaurus] // URL: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/ارفنز/> (data obrashcheniya: 10.08.2021) (In Arab.)
- The Oriental Geography of Ebn Haukal, an Arabian Traveler of the Tenth Century. W. Ously (transl.), etc. Beirut, Paris, 1964. Vols. 1–2. 327 p. (In Eng.)
- Propp V. Ya. Morphology of Magic Folktales. Moscow: Labirint, 2001. 192 p. (In Russ.)
- Puzanov D. V. Peoples of the Volga, their dog howl divination rites, and later superstitions of Turks and Slavs: An account by Ibn Fadlan. *Historical and Cultural Heritage of the Peoples of the Ural-Volga Region*. 2018. No. 4. Pp. 63–67. (In Russ.)
- Shmeleva T. V. Semantic Syntax. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University, 1994. 47 p. (In Russ.)
- Spitsyn A. A. Ibn-Fadlan's Manuscript: Degree of Reliance Revisited. St. Petersburg, 1899. 16 p. (In Russ.)
- States of Early Medieval Kazakhstan: Political situation. On: *Magistra Vitae* (online historical portal). Available at: <http://www.timeshistory.ru/historys-639-1.html> (accessed: August 11, 2021). (In Russ.)
- Tiesenhhausen W. In defense of Ibn-Fadlan. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1900. Vol. XIII. Pp. 24–32. (In Russ.)
- Varyash I. I. Muslim Europe: Identity Signaling. St. Petersburg: Nauka, 2020. 255 p. (In Russ.)
- Vodolazkin E. G. House and Island: Or the Tool of Language. Moscow: AST, 2020. 384 p. (In Russ.)
- Westberg F. Analyzing Oriental sources on Eastern Europe. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1908. No. XIII (January–February). Pp. 364–412. Available at: <https://runivers.ru/bookreader/book461079/#page/1012/mode/lup> (accessed: August 10, 2021). (In Russ.)
- Yakubovsky A. Yu. Atil and Bolgar, 9–10 centuries AD: Historical topography revisited. *Sovetskaya arkheologiya*. 1948. Vol. X. Pp. 250–270. (In Russ.)

